

Возвратимся на шестьдесят с лишним лет назад. В 1953 году умер Сталин. Наступила так называемая оттепель. В 1955 году Валентин Петрович Катаев, классик, лауреат и писательский начальник, основал разрешенный временно расслабившимися большевиками молодежный литературно-общественный журнал «Юность», из которого, как из известной «Шинели», вышла практически вся европейски ориентированная русская проза и поэзия второй половины XX века.

Сначала литераторы «Юности», как и их солидные оппоненты из «Нового мира», толковали о «возврате к ленинским нормам» и «социализму с человеческим лицом», в дальнейшем же все они разделились на блистательных нонформистов и честных аутсайдеров, лишь в редких случаях менявшихся местами. Твардовского прогнали. Солженицына насильно посадили в самолет. Катаев напечатал в «Новом мире» свои лучшие вещи. Кто только не печатался тогда в «Юности»! Кроме патентованных «звезд» (Аксенов, Ахмадулина, Вознесенский, Гладilin, Горин, Евтушенко, Мориц, Ан. Кузнецов, Сулейменов, Л. Тимофеев,) здесь ного только не было из порядочных литературных людей: Ахматова, Губанов, Евгения Гинзбург, Носов со своим «Незнайкой», Славкин, Розовский, Бродского чуть было не напечатали, да сорвалось «по не зависящим ни от ного обстоятельствам».

Печатались и личности, ныне начисто забытые, но имена которых одно время знала вся просвещенная страна. А страна и на самом деле всегда была, есть и будет просвещенная, несмотря на тоталитаризм и невежество.

Однако не будем никуда забегать. А лучше вспомним о том, что еще в 1958 году Катаев прозорливо углядел в одном из двух «номсомольских» рассказов никому не известного молодого врача Аксенова великолепную фразу «стоячие воды канала были похожи на запыленную крышку рояля» —

и решил Ансенова печатать. Именно тогда в «Юности» появились «Фанелы и дороги» и «Полторы врачебных единицы», прошедшие, прямо нужно сказать, почти не замеченными. Зато в одно прекрасное утро 1960 года молодой врач проснулся знаменитым.

В «Юности» был опубликован его роман «Ноллеги», который прочитала «вся страна». Примечательно, что в 1994 году роман был жестко и жестоко определен автором как «вполне конформистская вещь». А тогда, в 60-м, захлопали крыльями «сталинские соколы», им ответили «прогрессисты», завязались столь любимые тогда «о, эти яростные споры», был снят фильм о «новом поколении, продолжающем революционные традиции отцов», откуда в народный фольклор ушел лишь легкомысленный шлягер, задушевно исполняемый антером-певцом Олегом Анофриевым:

*Пароход белый-беленький,
Черный дым над трубой.
Мы по палубе бегали,
Целовались с тобой.*

И т. д. На следующий год грянул «Звездный билет», как считается, стоивший Валентину Натаеву редакторского кресла, но сделавший Ансенова реальным кумиром поколения 60-х, оттеснившим в общественном сознании родоначальника новой исповедальной прозы Анатолия Гладилина, двадцатилетнего автора романа «Хроника времен Виктора Подгурского». Сотни злобных статей и читательских писем, опубликованных в различных советских изданиях, стали откликом на «Звездный билет».

«Развязность, разухабистость и самонадеянность...», «Номсомол для них даже не существует». Ансенов удостоился мерзкой карикатуры в партийном сатирическом журнале «Крокодил», на знаменитой встрече Хрущева с интеллигенцией царь Никита предлагал Вознесенскому высылку из СССР, а Ансенову орал «Что? Мстите за смерть своего отца?». И сильно удивился, узнав, что бессчетные годы сидевший в лагерях старший Ансенов мало того что жив, но и заново является членом КПСС, совершенно не потеряв веры в правоту «самого передового учения».

То есть Иван Бунин родил Валентина Натаева, Валентин Натаев родил «Юность», «Юность» родила современную русскую литературу, а хороша она или плоха, ясно станет через столетие. Кстати, вот вам еще одна уникальная, вряд ли *советская* история: Гладилин, который, согласно законам массовой культуры и социалистического реализма, просто обязан был ревновать Ансенова, новую прозаическую звезду, стал его задушевым другом на всю жизнь. Его пример — нам всем наука, в том числе и новому поколению авторов «Юности».

Натаев (1897 года рождения) умер в 1986 году в самом начале перестройки, но кажется, что он все время где-то неподалеку, этот последний классик из той самой плеяды: И. Эренбург и М. Булганов — 1891 год рождения, Н. Паустовский — 1892-й, И. Бабель — 1894-й, Э. Багрицкий — 1895-й, Ю. Олеся и А. Платонов — 1899-й.

Впрочем, Платонов здесь «не совсем причем», как выразились бы, очевидно, в городе Одессе, колыбели «южнорусской школы», одним из лидеров которой являлся Натаев. Да и Эренбург с Булгановым — тоже, пожалуй, существовали отдельно. Просто — сверстники, просто — почти погодки, просто — знаменитые *советские* писатели со всеми вытекающими из этого последствиями, включая звания и ордена (Эренбург, Натаев),

чахотку (Платонов), алкоголизм (Олеша), мученическую смерть (Бабель), царский гнев и царскую любовь (Булганов). Это уж как кому повезло, как Бог судил, как вышло и как писатель сам сумел и захотел.

Багрицкий умер в 1934-м, Бабель и Булганов закончили свой жизненный путь в сороковом, Платонов — в пятьдесят первом, Олеша — в шестидесятом, Эренбург — в шестьдесят седьмом, Паустовский — за месяц до «праздничной весны» 1968-го.

Натаев... удивительно, но кажется, что он еще вчера ходил по переделанным дорожкам, любовно пестовал «Юность», участвовал в различных писательских сборищах, где клеймили «антисоветчиков», начал писать в конце 60-х ту самую прозу, которая заставила критиков тех лет заговорить о «другом Натаеве» — в смысле, что он как бы теперь и не орденоседец вовсе, и не автор советских книг «Белеет парус», «Сын полка» и «За власть Советов», а какая-то такая *модернистская* личность, вроде выпущенных им в свет посредством «Юности» упомянутых шестидесятников.

Ответственно заявляю: «Юность» всколыхнула тогда всю страну, и уверен, что будь тогдашние начальники страны поумнее, они бы сумели использовать возрастную тягу молодежи к честности, справедливости и НОРМАЛЬНОЙ жизни, где художников не считают дырявыми, писателей не душат цензурой, а джаз не считают «музыкой толстых». Практически эти начальники сами вырастили на свою голову «диссидентов» (посмотрите биографию каждого из них!), поссорились с молодежью, интеллигенцией, «технарями», сами же и разрушили свой же Советский Союз, который спокойно мог бы просуществовать еще лет 300, медленно эволюционируя в сторону Разума и Счастья. Не на это ли намекали авторы тех лет, судя по пропущенным цензурой фразам и мыслям, публикуемым тогда в «Юности»? Дескать, не разрушится, товарищи, ваша любимая коммунистическая власть, если не лезть ТОТАЛЬНО в душу каждому человеку, которого вы считаете советским.

В 1962 году, когда мне было 16 лет, я и мои товарищи, очарованные столичной «Юностью», выпустили в Красноярске три номера самиздатского ЧИСТО ЛИТЕРАТУРНОГО журнала с эпиграфами из шестидесятников. «В век разума и атома мы акушеры нового. Нам эта участь адова по нраву и по норову» (А. Вознесенский), «А мы рукой на прошлое вранье» (Б. Окуджава), «Свежести, свежести хочется, свежести» (Е. Евтушенко).

Криминалом была статья ныне, пожалуй, самого заметного сибирского прозаика Эдуарда Русанова «Заклинатель трав» о поэзии Бориса Пастернака, которого к тому времени уже «простили» и книгу стихов «Избранное» которого выпустили. Не о прозе, разумеется статья, не о «Докторе Живаго», «антисоветском пасквили», за «чтение и хранение» которого таскали в НГБ.

Другой криминал уж непосредственно был связан с «Юностью». Это была моя статья «Культ личности и "Звездный билет"». Ну а третью нашу проделку публично нарекли хулиганской провокацией. Журнал, который делали исключительно русские сибирские ребята, носил название «Гиршфельдовцы» в честь старого, только что ОТНИНУВШЕГОСЯ ээка Бориса Исаковича Гиршфельда, с которым мы случайно познакомились в каком-то кабаке и который поразил нас гениальным знанием ВСЕЙ русской литературы начала XX века и лагерного жаргона. Всех нас исключили из комсомола, включая и меня, который в этом комсомоле не состоял ни «до», ни «после». За что, спрашивается, исключили, когда там и тени не было

«антисоветчины»? Умолкаю я, нет у меня больше слов описывать все эти варварские глупости. А за журнальчик, жалкое подобие «Юности», мне стыдно. Он сейчас в Красноярском Литературном музее, но это особого энтузиазма у меня не вызывает.

В 1963–1968 годах я учился в Московском геологоразведочном институте и много раз посещал редакцию «Юности» по делам моего друга красноярского поэта Романа Солнцева, который в одночасье стал знаменитым, после того как Андрей Вознесенский процитировал в «Литературне» его стихотворение «Человек», чрезвычайно созвучное объявленной эпохе «физиков и лириков». Я был горд, приезжая в Сибирь на каникулы, что своими глазами видел всех этих юных и великих. Даже молодого и красивого кавказца-поэта, которым был тогда Фазиль Исхандер, даже легендарных уже тогда Юрия Ряшенцева, Натана Злотникова и Сергея Дрофенно.

Ну а в 1969 году, уже окончив институт и вернувшись в Сибирь, я совершил поступок, с нынешней моей точки зрения безумный. Я послал из Красноярска рассказы в Москву, на домашний адрес В.П. Катаева в Лаврушинский переулок. Меркантильности в этом моем поступке, слава богу, не было. «Юностью» всюду правил в это время Борис Полевой. К моему скорее нынешнему, чем тогдашнему удивлению, я вскоре получил ответ Катаева, писанный собственноручно ручкой, а не на машинке либо секретарем. Мало того, и на конверте адрес был написан все той же ручной мэтра, который сообщал мне следующее:

- что человек он старый, больной и обычно в переписку с авторами не вступает;
- но что рассказы мои показались ему талантливыми, и поэтому он все же отвечает мне;
- хотя крайне огорчен моей писательской грубостью и малой изобретательностью, следствием все той же грубости;
- и что он рекомендует мне ни в коем случае не бросать мою основную работу, печатать меня вряд ли будут;
- и советует попытаться писать более изящно, иначе с меня не будет никакого толку.

Письмо это мною в процессе биографических коллизий навсегда утрачено или хранится где-то в недрах Лубянки, так что я не могу точно восстановить его даже по памяти. Надеюсь, читатели не обвинят меня во вранье, так как, во-первых, у меня есть свидетели, а во-вторых, во всем этом нет ничего для меня выгодного, зато облик Катаева высвечивается весьма благородно: боюсь, что редко кто из нынешних мэтров всех поколений способен на такое — взять да и ответить *по делу* совершенно незнакомому провинциалу юных лет. И, подчеркиваю, *своей собственной ручкой!* Думаю, он понял, что провинциальный парень обращается к ПИСАТЕЛЮ, КОТОРОГО ОН ЧИТАЛ, а не к чиновнику. И вроде бы ничего не просит.

Чему-то все же научившись из этого письма, я личных встреч с мэтром не искал, но указанных им грубостей, увы, не оставил, что и привело меня в промежуточном итоге в знаменитый альманах «Метрополь» (1979), несомненным лидером которого был «открытый» Катаевым В.П. Ансенов, с которым у меня никаких расхождений по части грубостей не имелось, а скорее даже наоборот. Время заната советской империи стало уж совсем гнусным, и антисоветское сознание наше, как формулировал нелюбимый нами тов. Н. Маркс, вполне соответствовало советскому бытию.

Натаев же к тому времени отличился созданием ряда новых виртуозных текстов, которые я перечел на днях и свидетельствую, что это — литература на все времена. Ну и традиционным для него, Героя Соцтруда и советского функционера, подписанием различных писем против диссидентов и за родную коммунистическую партию, в которую он ухитрился вступить только в 1958 году. Писем, начисто опровергающих тезис о несовместимости гения и злодейства.

И это — главная тайна его личности, по крайней мере для меня. Зачем ему все это было нужно?

Зачем нужно было старому человеку, лауреату премий, настоящему, а не дутому классику срывать с уютной переделкинской дачи клеймить «отщепенцев»?

Или ему это нравилось? Но наш альманах «Метрополь» он, в отличие от некоторых будущих «прогрессистов», не громил.

«Детский вопрос» — так, очевидно, реагировал бы Натаев на мои риторические восклицания.

И я имею право на такой прогноз, потому что в 1977 году участвовал в чрезвычайно любопытной встрече мэтра с молодыми писателями, где именно так отвечал он на вопрос жаждущего правды прозаика Юрия Аракчеева, отчего вот мастер писал всю жизнь по-советски, а теперь вот пишет как бы совсем не по-советски, не мешает ли ему *в творческом плане* это двоемыслие? «ДЕТСКИЙ ВОПРОС!» — в конце концов сказал ему Натаев.

Любопытна была эта первая и последняя беседа, моя первая и последняя личная встреча с Натаевым. Поразительно, что на вопросы для него ДИСКОМФОРТНЫЕ он просто-напросто не отвечал, даже не ссылаясь на глухоту, а просто начиная говорить о другом.

Потому что редко кто из благоговевших перед классином молодых осмеливался спросить об одном и том же другой раз, и только тогдашняя юношеская настырность Аракчеева позволяет мне вспомнить это.

Затем Натаев сообщил, что *никак* не относится к «Чевенгуру» Платонова, потому что *никогда* Платонова не читал, равно как и Джойса.

Зато Марселя Пруста читал вместе с *лучшим русским писателем двадцатого века* Ю. Олешей, величие которого состоит в том, что он «вместе со мной» (В. Натаевым) изобрел «ассоциативную прозу».

Бог ты мой! Но почему же мы все-таки смотрели на него влюбленными глазами и нам было интересно все, что он говорит?

Да потому, повторяюсь, что он был великий писатель, еще в литературной юности решивший этот ребус — о гении и злодействе. Не в пользу ни того ни другого.

И разгадка тайны его, конечно же, в художественных текстах, а не в подлой советской публицистике.

Вопрос из 1977 года о «*раньше и теперь*» в творчестве В.П. Натаева еще и оттого «детский», что ведь Натаев, сформировавшись к началу 20-х, практически больше потом не менялся, только стиль его становился все более отточенным и изощренным, особенно когда это стало *можно*. А что касается содержания, то одной из навязчивых тем писателя является эта самая одесская ЧеКа, в гараже которой новые санюлоты бойко расстреливали свежеепеченных «врагов народа», судьба ченистской «Мурки», сдавшей любимого-белогвардейца, почти фрейдистская сыновья неблагодарность («Отец»), а также понятное, но патологическое желание бывшего офицера царской армии выжить среди сонма Хамов любой ценой — оттуда

и те знаменитые американские ботинки, за которые, если верить желчному Ивану Бунину, молодой литератор Валя Натаев нлялся пришибить любого.

Никого, кажется, не пришиб, никого не посадил, ни на кого не донес. Написал блестящую прозу. Всю свою сознательную жизнь прожил в качестве циника и романтика. Не судите, да не судимы будете... Вот и созданный им журнал «Юность» РЕИНКАРНИРУЕТ. Натаев тогда предложил властям дорожную карту эволюции, путь наилучшего устройства. Когда и волки (коммунисты), и овцы (творческая интеллигенция) были бы целы. И молодежь бы не бунтовала, и абстракционисты тихо рисовали бы свою наляку-маляку, а прозаики писали бы свою высокохудожественную «Шнолу для дураков», издавая ее на родине, а не в «Ардисе».

Но ему не поверили. Я надеюсь, что у нынешней власти хватит соображения не повторять ошибки предшественников, и тогда все будет хорошо. Я надеюсь на юность и «Юность».

10 января 2020 года

Забыл упомянуть добрым словом Андрея Дементьева, последнего из редакторов ТОЙ ЕЩЕ «ЮНОСТИ». Ведь это он взял на себя смелость напечатать в своем журнале мой короткий рассказ после того, как меня за «Метрополь» выперли из Союза писателей СССР и я долгие годы пребывал в нетях.

